

«Наркоминдел ставит борьбу за революцию
выше исследовательских интересов нынешних
и будущих архивных специалистов...»
(нарком НКВД Г.В. Чичерин и советские архивы)

Юлия Н. Гусева

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, j.guseva@mail.ru*

Василий С. Христофоров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, xvsarhiv@rambler.ru*

Аннотация. Предметом изучения являются отдельные сюжеты, отражающие межведомственные противоречия НКВД (в лице его руководителя Г.В. Чичерина) и Центрархива (руководитель – М.Н. Покровский) по вопросу использования архивных документов имперских дипломатических учреждений. На основании ранее не опубликованных материалов Центрархива 1926–1927 гг., хранящихся в спецхране ГА РФ, раскрывается общая позиция Чичерина в отношении использования документального наследия имперского МИД, затем описывается сущность противоречий, касавшихся порядка сбора, систематизации и использования документов. Исследуются попытки Чичерина выстроить деловые отношения с представителями советского архивного ведомства, предметно рассматриваются аргументы обеих сторон в защиту собственной позиции. Особо отмечается «революционная» идеологическая составляющая аргументации Чичерина: установка на то, что архивы являются инструментом реализации Советской Россией собственной глобальной исторической миссии.

Делается вывод о характере сформировавшихся культурных практик новой бюрократии. Изучение механизмов доступа различных государственных ведомств к процессу извлечения исторических фактов расширяет понимание советского опыта работы политико-идеологического «конвейера», приводит авторов к выводу о том, что ресурсный подход к архивному, документальному наследию является типичным элементом политической культуры советского периода, переживавшим в современную эпоху.

Ключевые слова: архивное дело СССР, Центрархив, НКВД, Чичерин, Покровский, имперские дипломатические документы

Статья поступила в редакцию 8 июня 2023 г.;

принята к публикации 11 декабря 2023 г.

Для цитирования: Гусева Ю.Н., Христофоров В.С. «Наркоминдел ставит борьбу за революцию выше исследовательских интересов нынешних и будущих архивных специалистов...» (нарком НКИД Г.В. Чичерин и советские архивы) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 2. С. 32–44. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-32-44

“The People’s Commissariat
for Foreign Affairs puts the struggle for revolution
above the research interests of current
and future archival specialists...”
(People’s Commissar of the People’s Commissariat
for Foreign Affairs G.V. Chicherin
and Soviet archives)

Yulia N. Guseva

Moscow City University, Moscow, Russia, j.guseva@mail.ru

Vasilii S. Khristoforov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, xvsarhiv@rambler.ru*

Abstracts. The article carries out research on the individual stories reflecting the interdepartmental contradictions between the NKID (represented by its head G.V. Chicherin) and the Central Archives (headed by M.N. Pokrovsky) on the issue of using the archival documents of the imperial diplomatic institutions. Based on the previously unpublished Central Archives materials of the years 1926–1927 stored in the special depository of the Russian Civil Aviation, Chicherin’s general position on the use of the documentary heritage of the Imperial Foreign Ministry is revealed; the paper also describes the essence of the contradictions concerning the procedure for the collecting, systematizing and using the documents. There is a detailed study of Chicherin’s attempts to build business relations with the representatives of the Soviet archival department and of Pokrovsky’s opposition to that.

The arguments of both sides in defense of their own position are discussed separately. Particular attention is paid to the “revolutionary” ideological component of Chicherin’s argumentation, to the assumption that the archives are a tool for Soviet Russia to realize its own global historic mission. A conclusion is drawn about the nature of the established cultural practices of the new bureaucracy.

The study of the emerging access mechanisms of various government departments to the process of extracting historical facts broadens our understanding of the Soviet experience of the political-ideological “conveyor” and leads the authors to the conclusion that the resource approach to archival, documentary heritage is a typical element of the political culture of the Soviet period, and it has effectively migrated to the modern era.

Keywords: archives of the USSR, Central Archives, NKID, Chicherin, Pokrovsky, imperial diplomatic documents

The article was submitted 8.06. 2023;
accepted for publication 11.12. 2023.

For citation: Guseva, Yu.N. and Khristoforov, V.S. (2024), “The People’s Commissariat for Foreign Affairs puts the struggle for revolution above the research interests of current and future archival specialists...” (People’s Commissar of the People’s Commissariat for Foreign Affairs G.V. Chicherin and Soviet archives), *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 32–44, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-2-32-44

Введение

В центре нашего внимания – межведомственные (НКИД и Центрархив) противоречия по вопросу использования архивных документов имперских дипломатических учреждений, отраженные в материалах 1920-х гг.

На основании неопубликованных источников Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), в спецхране которого хранятся материалы советских архивных ведомств (фонд Р-5325 «Главное архивное управление»), а также опубликованных материалов Архива внешней политики Российской Федерации (письменное наследие Г.В. Чичерина) будет освещена позиция руководителя НКИД по вопросу использования архивов имперского МИДа. Нами также анализируется конфликтная ситуация вокруг организации доступа к историческим дипломатическим документам, сложившаяся между НКИД и архивным руководством в 1926–1927 гг. В результате нами будет сделан вывод о характере взаимодействий советских ведомств по вопросу доступа к архивной информации как к важному идеологическому и управленческому ресурсу.

Большевистская социалистическая идеология никогда не отрицала того, что архивы являются инструментом борьбы за реализацию Советской Россией собственной глобальной исторической миссии. На различных этапах становления и развития советского общества задачи «рационального использования архивных

богатств» были тесно увязаны с базовыми идеологемами его развития: когда отечественное архивное дело становилось «полноправным участником политической, экономической и общественной жизни страны», для которого «партия во главу угла ставила вопрос о наиболее рациональном использовании архивных богатств» [Чекмарева 1989, с. 16].

Подобный инструментально-ресурсный подход к своей профессиональной сфере разделяла и архивная бюрократия. Члены Коллегии Главархива¹ М.Н. Покровский, В.В. Адоратский и Н.Н. Батуринов в ноябре 1921 г. отмечали: «В наших архивах, наряду с документами, имеющими значение только научное, хранится масса документов, имеющих колоссальное политическое значение... Это колоссальный арсенал политического оружия» [Хорхордина 2009, с. 69].

Данный сюжет дает нам возможность рассуждать об укорененности ресурсного подхода к культурному наследию как типичном элементе политической культуры советского периода. Изучение складывающихся механизмов доступа различных государственных ведомств к процессу извлечения исторических фактов как к важному ресурсу («рациональному использованию архивных богатств») расширяет наше понимание советского опыта работы политико-идеологического «конвейера» [Анфертьев 2017, с. 72–75, 77]. Особый интерес также представляет аргументация представителей архивного мира и дипломатического ведомства, которая демонстрирует культурные практики новой бюрократии.

Архивное дело «Материал о взаимоотношении между Центральным архивом РСФСР и НКВД СССР по вопросам использования архивов: 1925–1926»² позволяет пролить свет на конфликт между руководителями ведомств, отразить разницу в подходах к использованию архивных материалов. Историю отношения наркома иностранных дел к архивным учреждениям и архивной работе мы освещаем с опорой на публикации самого Г.В. Чичерина.

В имеющейся историографии, посвященной истории советского архивного дела, а также в исследованиях, отражающих жизнь и деятельность Г.В. Чичерина, изучаемый вопрос предметно не рассматривался. Для понимания общего контекста развития советских архивов в 1920-е гг. мы опираемся на научные работы известных российских историков [Чекмарева 1989; Хорхордина 1994; Хорхордина 2009; Копылова, Хорхордина 2018].

¹ Главархив (1918–1922) – Главное управление архивным делом при Наркомате просвещения РСФСР. Впоследствии – Центрархив (1922–1929) – Управление Центральным архивом при ВЦИК РСФСР.

² ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178.

Г.В. Чичерин: «Внешняя политика не может вестись без базы старых документов».

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин не понаслышке был знаком с принципами работы архивов: спустя три года после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета (1895) он поступил на службу в архив Министерства иностранных дел Российской империи. Работая в архиве, он внимательно изучал дела Азиатского департамента, который концентрировал переписку с «восточными» правительствами, с российскими дипломатическими и консульскими агентами на Востоке [Зарницкий, Трофимова 1984, с. 217].

Г.В. Чичерин прекрасно осознавал ценность исторического архивного наследия для нужд актуальной советской «восточной» политики, в частности опыт экономического взаимодействия со странами Востока. Туркменистан, Персия, Афганистан, Китай, Индия, Тибет, мусульманский и буддийский мир были для него не просто ареной деятельности, но и предметом интереса как исследователя культуры и истории³.

В своей известной статье «Россия и азиатские народы» (1919) Г.В. Чичерин отмечал: «Архивы азиатского департамента министерства иностранных дел могли бы открыть историкам, как постоянно затирались в николаевский период представителями старой, узкой царской государственности стремления нарождавшегося русского буржуазного капитализма к экспансии в Азии...»⁴. «В наших западных международных делах – очень большая степень преимущества, в восточных – еще несравненно большая. С Афганистаном, с Синьцзяном сплошная филиация отношений. Монгольских дел после 1920 г. нельзя понять без прежних монгольских дел. И КВЖД, японская рыба, Сахалин и т. д.», – напишет Чичерин в своей последней служебной записке 1930 г.⁵

Хорошо зная «архивную кухню» изнутри, Г.В. Чичерин пытался выстроить деловые отношения с представителями советского архивного ведомства – Главным управлением архивным делом

³ Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010. С. 166.

⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 88.

⁵ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.) // Неизвестный Чичерин (ч. 2): Информационно-справочные материалы. Историко-документальный департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023].

(ГУАД), образованным в 1918 г. под руководством Д.Б. Рязанова⁶. Последний, по мнению Чичерина, понимал важность и необходимость использования архивных документов для работы НКВД, потому соответствующим соглашением было зафиксировано, что документы имперского Министерства иностранных дел с 1856 по 1917 г. остаются на хранении в дипломатическом ведомстве.

Однако в августе 1920 г. Д.Б. Рязанова сменил М.Н. Покровский⁷ (будет находиться на этом посту до 1932 г.), совмещавший должность заместителя народного комиссара Наркомата просвещения РСФСР с руководством государственной архивной службой. С его приходом ГУАД было переподчинено ВЦИК, переименовано в Центральный архив (Центрархив) РСФСР, серьезно изменилась кадровая политика и направления работы системы государственных архивов⁸.

По мнению Чичерина, деятельность Покровского и его приближенных нанесла существенный ущерб советской международной политике, так как они препятствовали работе исследователей из НКВД, пытавшихся получить доступ к документам архива. Нарком подчеркивал, что в великолепно сохранившихся архивах в период Покровского царил полнейший хаос и расстройство, что не позволяло своевременно реагировать на изменения обстановки и принимать решения по внешнеполитическим вопросам⁹.

⁶ Рязанов Давид Борисович (1870–1938) – деятель российского революционного (социал-демократ) и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист. В 1918–1920 гг. – начальник Главного управления архивным делом Наркомпроса РСФСР.

⁷ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, политический и общественный деятель, академик АН СССР. С 1918 по 1932 г. – заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1920 г. – заведующий ГУАД, с 1922 г. – Центрархива РСФСР, с 1929 г. – ЦАУ РСФСР и ЦАУ СССР.

⁸ Смена руководства Главархива и последовавшие вслед за этим кадровые перестановки на местах стали частью общего процесса укрепления партийных позиций. Для архивистов 1920–1930-е гг. прошли под лозунгами «коммунизации» и «орабочения» архивных кадров: на смену высококвалифицированным специалистам, выпускникам университетов пришли члены РКП(б), часто без гуманитарного образования, но готовые без оглядки на профессиональные стандарты включиться в процесс обслуживания нового режима. В июне 1926 г. Коллегия Центрархива поддержала предложение ОГПУ о координации их действий (в состав коллегии был включен его представитель), что де-факто поставило архивное дело под контроль спецслужб.

⁹ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.).

Смена руководства Главархива и последовавшие вслед за этим кадровые перестановки на местах стали частью общего процесса укрепления партии во всех областях. Для архивистов десятилетие пройдет под лозунгами «коммунизации» и «орабочения» архивных кадров: на смену высококвалифицированным специалистам, выпускникам университетов придут члены РКП(б). Определяющим при этом будет не наличие специального базового гуманитарного образования, а готовность выполнять задачи, поставленные партией и правительством, т. е. включиться в систему обслуживания государственной власти, при которой архивы превращаются в «идеологическое оружие рабочего класса».

В результате кадровых чисток штаты архивных учреждений Центрархива в Москве и Петрограде заметно сократились. Так, если в 1920 г. штатная численность архивных работников составляла 465 человек, то в начале 1920-х гг. – 150, т. е. уволено было почти две трети [Хорхордина 1994, с. 95].

С 1921 г. между Центрархивом и Главнаукой¹⁰ шла борьба за место хранения фондов монастырей, дворцовых учреждений и отдельных коллекций письменных источников, изначально отделившихся в музеях и библиотеках, подведомственных Наркомпросу.

Еще более ожесточенная борьба велась между Центральным архивом РСФСР и НКИД СССР по вопросам использования архивов¹¹.

Исследователи неоднократно отмечали, что М.Н. Покровский с «уродливой политизированной прямолинейностью» старался внедрять в работу архивов установки, неадекватные их деятельности [Копылова, Хорхордина 2018, с. 3].

¹⁰ Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) – государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в РСФСР (1921–1930). Сформирован в составе Академического центра Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в 1921 г. Основные задачи: развитие и материальное обеспечение сети научных и художественных учреждений, подготовка и использование научных кадров в интересах строительства советской культуры, организация научных съездов и конференций, распространение научных знаний и художественной культуры, развитие краеведческого движения, организация научных экспедиций, учет, охрана и реставрация историко-художественных памятников.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178: Материал о взаимоотношении между Центральным архивом РСФСР и НКИД СССР по вопросам использования архивов. 1925–1926 гг.

При этом позиция Чичерина на всем протяжении 1920-х гг. была неизменной: НКИД не может обойтись «без постоянного изучения архивных материалов бывшего МИД»¹².

НКИД vs Центрархив

Вскоре после назначения М.Н. Покровского руководителем архивного ведомства возникло сильное напряжение между Центрархивом и НКИДом. По его указанию, значительная часть архивных дипломатических документов была у НКИД изъята. 25 мая 1926 г. появилось постановление Президиума ВЦИК о работе Центрархива, согласно которому представителям различных ведомств, в том числе сотрудникам НКИД, предлагалось знакомиться с делами в читальных залах архива. Практику передачи документов непосредственно в ведомства планировалось свести к минимуму¹³.

Апогей конфликта между ведомствами пришелся на 1926–1927 гг., когда в Центрархив поступила записка Чичерина следующего содержания¹⁴:

Так как я лишен возможности заниматься в читальном зале Центроархива, то приглашение меня к занятиям в читальном зале равносильно отказу в документах, требуемых для нашей дипломатической работы.

Наркоминдел ставит борьбу за революцию выше исследовательских интересов нынешних и будущих архивных специалистов. Противоположную точку зрения я не могу признать революционной.

Наркоминдел не в состоянии полностью выполнить свои функции при отсутствии необходимых для его работы старых документов¹⁵.

В ответ Покровский обвинил НКИД в приверженности узковедомственным интересам. В одном из писем он написал, что НКИД собирает материалы из Лондона, Италии, не передавая их на хранение, децентрализуя архивные материалы. Руководитель Центрархива возражал Чичерину:

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 13–14.

¹⁴ Копия записки была направлена первому заместителю председателя ОГПУ Г. Ягоде.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 93.

Нужно заметить, что дипломатические архивы необходимы не только НКВД – они нужны и ОГПУ¹⁶ (шифровальный материал МИД, заграничная охранка, материалы которой могли отразиться в посольских архивах) и РВСР¹⁷, дипломатическая часть архива которого должна быть связана с МИД и НКФ¹⁸, так как в МИДе отразились переговоры о займах и заграничных заказах царского правительства. Все ведомства, нуждающиеся в справках, в том числе ОГПУ, работа которого носит не менее срочный и конспиративный характер, нежели работа НКВД, РВСР, Верховсуд¹⁹ и т. д., копируют нужные им документы в месте их хранения – в специально оборудованных для этого читальных залах соответствующих архивохранилищ²⁰.

12 июня 1926 г. состоялось секретное заседание в Президиума ВЦИК, на котором было рассмотрено ходатайство Чичерина об отмене пункта 2 постановления Президиума ВЦИК от 25 мая 1926 г. Согласно этому пункту постановления, учреждения могли получать из архива материал на срок до трех месяцев, а в исключительных случаях и свыше²¹. В результате было решено, что в исключительных случаях, если нарком или его сотрудники не могут работать в читальных залах Центрархива, материалы будут выдаваться лично Чичерину под расписку²².

В свою очередь, Чичерин в письме 15 апреля 1926 г. в Президиум ВЦИК (копия была направлена Г. Ягоде и в Центрархив) с нескрываемым негодованием указывал на чрезвычайно плохую сохранность архивов департаментов МИД, которые «находятся в запущенном состоянии»: им чрезвычайно навредили постоянные перевозки²³, хранение в сыром подвале, в котором температура не превышает уличную, плохой справочный аппарат (названия не соответствуют содержанию). Дипломат отмечал, что за 8 лет дело с мертвой точки не сдвинулось, именно поэтому в 1925 г. НКВД

¹⁶ ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (1923–1934).

¹⁷ Реввоенсовет, Революционный военный совет Республики.

¹⁸ Наркомат финансов СССР.

¹⁹ Верховный суд СССР.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 61–62.

²¹ ГА РФ. Ф. 5325. Оп.1. Д. 178. Л. 6.

²² Там же. Л. 62.

²³ Указано, что документы вывозились из Кирилло-Белозерского монастыря Вологодской губернии (с 1924 г. – историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).

самостоятельно запросил материалы зарубежных посольств и хранил их у себя²⁴.

Резкие оценки наркома вызывало и то, что около половины требований НКИД на получение документов из архивных фондов не удовлетворялась совсем, а оставшаяся половина документации прибывала в наркомат спустя 3–4 недели после запроса. Скорость информационного сопровождения работы дипломатов во многих случаях имела исключительно важное значение:

Мы были бы спасены от многих промахов, если бы т. Покровский не отнял старых дел. Но еще важнее то, что в международных делах надо реагировать моментально. Я должен иметь в руках старые дела, чтобы сразу совершать нужные шаги²⁵.

12 июня 1926 г. Чичерин вновь направляет письмо в Президиум ВЦИК (копии – в ОГПУ и Центрархив), в котором обращает внимание на недостатки архивного дела, мешающие «защищать интересы Союза против буржуазных государств», так как материалы представляются не всегда, с опозданием и ненадлежащего качества. «Факт остается фактом: при нынешнем курсе Центрархива НКИД не в состоянии надлежащим образом бороться против капиталистического окружения». НКИД не может обойтись «без постоянного изучения архивных материалов бывшего МИД Российской империи»²⁶.

Покровский в ответ на возмущение Чичерина обвиняет его в узковедомственном интересе, подчеркивая, что в НКИД полагают, что кроме Наркомата по иностранным делам эти документы, имеющие «колоссальное политическое и общегосударственное значение», никому никогда не пригодятся. Покровский пишет о том, что НКИД забрал и задерживает 1214 единиц хранения²⁷.

В итоге в известной служебной записке – послании своему сменщику – Чичерин удостоил Центрархив звания «ужаснейшего из ведомств» и подчеркивал, что это была «самая неприятная сторона его работы»:

Самое отвратительное воспоминание осталось у меня от отношений с ужаснейшим из ведомств, Центроархивом... Банда Покровского

²⁴ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 43.

²⁵ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.). URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023).

²⁶ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 14–16.

²⁷ Там же.

смотрит как на врага на всякого, кто хочет пользоваться документами архива, ставит себе целью всячески мешать их использованию (судя по всему, надо думать, что банда хочет оберегать материалы для статей своего шефа), и притом внесла в великолепно до тех пор сохраненные архивы полнейший хаос и расстройство²⁸.

Заключение

В 1920-е гг. принципиальные подходы к работе с имперским архивным наследием являлись утилитарно-инструментальными. При всех кажущихся различиях в подходах НКВД и Централархива различение состояло лишь в направлениях, формах «рационального использования архивных богатств» как важного политико-идеологического ресурса. Рассматриваемый частный сюжет довольно выпукло показывает, каким образом разворачивалась подобная межведомственная борьба, за которой очевидно скрывалась и личная неприязнь между Чичериным и Покровским.

Особое внимание обращает на себя градус накала и те аргументы, с которыми Г.В. Чичерин объясняет свою особую заинтересованность в документах имперского МИД. Описанные им недостатки архивного дела мешали «защищать интересы Союза против буржуазных государств», «при нынешнем курсе Централархива НКВД не в состоянии надлежащим образом бороться против капиталистического окружения»²⁹. По сути, он прямо обвиняет своего оппонента в антиреволюционной деятельности, что, вероятно, должно было обратить особое внимание членов Президиума ВЦИК и руководства ОГПУ на происходящее (не случайно копии записок с обвинениями в адрес Покровского отправлялись прямоком на Лубянку). Однако наличие иных заинтересованных и постепенная трансформация постреволюционной реальности навряд ли могли подкрепить позицию Чичерина. С другой стороны, подобная горячность в защите собственной позиции выдает в нем страстную натуру борца за революционное дело, что вполне подтверждается его биографией, а также профессионала, привыкшего работать на результат, не перекладывая ответственность за промахи на других. Современные исследователи изучают различные аспекты ресурсного характера российской исторической политики, отмечая, что сегодня «...обнаруживаемое в кладовых традиции и полуоткрытых

²⁸ Последняя служебная записка Г.В. Чичерина (июль 1930 г.). https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-2/ (дата обращения 01.05.2023).

²⁹ ГА РФ. Р-5325. Оп. 1. Д. 178. Л. 14–16.

государственных архивах историческое прошлое не достаточно просто извлечь, его еще нужно определенным образом утилизировать, то есть использовать с повышенной эффективностью» [Калинин 2011, с. 330–339]. Рассматриваемый сюжет – коллизии рабочих взаимодействий между руководителями НКВД и Главархивом (Центрархивом) в 1920-е годы по вопросу использования архивных материалов дипломатического характера – является одним из свидетельств того, что подобный современный ресурсно-рациональный подход в отношении архивного наследия коренится, в том числе, в советских политических практиках.

Литература

- Анфертьев 2017 – *Анфертьев И.А.* Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е гг.: Критический анализ. М.: Инфра-М, 2017. 321 с.
- Зарницкий, Трофимова 1984 – *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Так начинался Наркоминдел. М.: Политиздат, 1984. 240 с.
- Калинин 2011 – *Калинин И.* Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 4. С. 330–339.
- Копылова, Хорхордина 2018 – *Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* Центрархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 3–17.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. 360 с.
- Хорхордина 2009 – *Хорхордина Т.И.* Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР. М.: Политическая энциклопедия, 2009. С. 67–95.
- Чекмарева 1989 – *Чекмарева Н.В.* Партийное руководство развитием архивного дела в СССР (1917–1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 28 с.

References

- Anfert'ev, I.A. (2017), *Politicheskaya biografiya pravlyashchei RKP(b)–VKP(b) v 1920–1930-e gg.: Kriticheskii analiz* [Political biography of the ruling RCP(b)–AUCP(b) in the 1920s–1930s. A critical analysis], Infra-M Publishing House, Moscow, Russia.
- Chekmarava, N.V. (1989), *Partiinoye rukovodstvo razvitiem arkhivnogo dela v SSSR (1917–1938 gg.)* [Party guidance in the development of archives in the USSR (1917–1938)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, USSR.
- Kalinin, I. (2011), “Fights for history. The past as a limited resource”, *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, no. 4, pp. 330–339.

- Khorkhordina, T.I. (1994), *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg.* [History of the Fatherland and Archives: 1917 – the 1980s], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2009), “Keepers of secret documents”, in *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime people in the USSR], Politicheskaya entsyklopediya, Moscow, Russia, pp. 67–95.
- Kopylova, O.N. and Khorkhordina, T.I. (2018), “The Central Archives of the RSFSR in the 1920s. A new course for managing the archival industry”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 3–17.
- Zarnitskii, S.V. and Trofimova, L.I. (1984), *Tak nachinal'sya Narkomindel* [That's how Narkomindel began], Politizdat, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Юлия Н. Гусева, доктор исторических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; j.guseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5731-7274

Василий С. Христофоров, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия. Москва, Миусская пл., д. 6; xvсарhiv@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-3964-1967

Information about the authors

Yulia N. Guseva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi Dr., Moscow, Russia, 129226; j.guseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5731-7274

Vasilii S. Khristoforov, Dr. of Sci. (Law), associated member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; xvсарhiv@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-3964-1967